

Фань огляделся вокруг и обнаружил, что рядом больше никого нет, так что он попросту нашёл камень и уселся на него, взял протянутый старым садовником кувшин с водой и, не гнушаясь, отпил несколько глотков. Они поговорили о цветах и травах. Фань Сянь вовсе в них не разбирался, так что из восторженных объяснений садовника узнал кое-что новое, однако, послушав подольше, заскучал и захотел уйти. Подумав о ещё более скучной встрече любителей поэзии, он смирился и вздохнул. Заметив, что молодой господин вздыхает, старый садовник удивлённо спросил:

— Отчего молодому господину грустно?

— Поэтическая встреча в поместье Цзинвана ужасно скучная, — Фань Сянь подмигнул ему, размышляя о том, что собеседник всего лишь слуга и вряд ли интересуется собранием стихотворцев. И действительно, садовник очень серьёзно закивал головой:

— Соревноваться в сочинении стихов — этим занимаются бездельники. Стихи не обменяешь на миску риса. И верно, дурачки.

Фань Сянь остолбенел, раздумывая, не было ли это оскорбление и в его адрес. Тут же в сердечном порыве он громко засмеялся и сказал:

— Действительно дураки.

Он наконец кое-что понял, махнул рукой и больше не упоминал о стихах.

**

После того как поэтическое собрание окончилось, все разошлись по своим домам, и о том, что произошло после, по всей столице стало известно только на следующий день. Тем вечером в поместье Цзинвана был семейный пир. Принц Цзинван собрался было в «Приют пьяного бессмертного» развлекаться, но затем управляющий попросил его вернуться, и теперь он немного напряжённо сидел за столом вместе с младшей сестрой, ожидая наставлений отца. Цзинван, сидевший во главе стола, на удивление оказался тем старым садовником, который после полудня долго болтал с Фань Сянем в саду. Он, глядя на сына, который всегда воображал себя выдающимся, с невесть откуда взявшимся гневом выругался:

— Ах ты дурень! Каждый день только и делаешь, что ходишь в такие места!

Принц Цзинван, Ли Хунчэн, знал, что «дурень» — излюбленное словечко у его отца, и нисколько не обиделся, а ответил с печальной улыбкой:

— Отец, отчего вы сегодня снова сердиты?

Цзинван хмыкнул, больше не гневаясь, и спросил:

— Сегодня ты опять проводил какую-то поэтическую встречу?

Ли Хунчэн замер и с горькой улыбкой подтвердил. Он знал, что отец не любит этих книжников, но сам он должен был, дабы переманить столичных учёных на сторону второго принца, всегда заниматься такими вещами. Вопреки его ожиданиям, Цзинван не рассердился, а наоборот, с интересом спросил:

— Сегодня на эту встречу приходил один юнец, был одет в светло-коричневое платье. Из какой он семьи?

Ли Хунчэн подумал, что сегодня приходили самые разные люди, где ж ему упомянуть всех.

Цзинван нахмурил брови, словно задумавшись об особых приметах этого человека, и после долгого молчания произнёс:

— Этот мальчишка очень красив, почти как девушка.

Ли Хунчэн фыркнул, поняв, о ком говорит отец, и торопливо ответил:

— Тот, о ком вы говорите, несомненно из поместья Фань.

Цзинван поднял брови, приняв свирепый вид, и проревел:

— Что? Ты говоришь, это тот сын Фань Цзяня из Даньчжоу? Мать его, как Фань Цзянь с его образиной посмел родить такого красивого сына?

Принцесса Жоцзя, сидящая в стороне, услышав непристойную ругань отца, вся покраснела от стыда, но ещё и заинтересовалась, кто таков тот человек, которого Жожо всегда почитала как наставника. Ли Хунчэн взглянул на отца с лёгким раздражением, думая, что, к счастью, рядом нет слуг. Однако если поразмыслить, те должны были уже давно привыкнуть к речи Цзинвана. Он быстро спросил:

— Зачем отец спрашивает об этом молодом человеке?

— Зачем? — Цзинван пару раз хмыкнул. После того как он днём столкнулся с Фань Сянем, который не знал его положения, тот сразу показался ему знакомым, только вот он не мог понять, кого тот напоминал. Ещё и потому, что Фань Сянь не любил поэтические собрания, однако мог часами слушать разглагольствования об искусстве садоводства, которым он очень гордился, он ощутил некоторое расположение к этому мальчишке. Но он не мог и представить, что этот красивый парень окажется сыном Фань Цзяня, и, горячась, продолжал поучать: — Ты должен учиться у этого... Как его зовут?

— Фань Сянь.

— Учись у этого Фань Сяня, пусть его происхождение незавидное, однако его воззрения всё же очень хороши, — Цзинван вздохнул и, глядя на сына, продолжил наставительным тоном: — Этот Фань Сянь может по полдня болтать с садовником, ты же слишком ценишь своё положение. Ты должен знать, что такая черта характера, как самолюбование, на самом деле не подходит к тем делам, которыми ты сейчас занимаешься.

Принц Цзинван, Ли Хунчэн, знал, что его хорошие отношения со вторым принцем, конечно же, не могут укрыться от его внешне прямого и жёсткого, а на самом деле чрезвычайно хитроумного отца, и торопливо согласился. После еды принц как раз собирался отправиться в свой кабинет и заняться чтением, чтобы порадовать отца, но не мог и представить, что Цзинван после недолгого раздумья скажет:

— Ты разве не собирался пойти в «Приют пьяного бессмертного»?

«Приют пьяного бессмертного» — это не винный дом, а публичный дом; разница в одно слово, а всё же — как небо и земля. У принца сжалось сердце, он даже не рискнул ответить. Цзинван уставился на него и заругался:

— Настоящий мужчина, если хочет идти, то идёт, не будь таким нерешительным, — произнеся это, он кликнул слуг, чтобы выгнали его.

До тех пор, пока Ли Хунчэн не оказался в отдельном кабинете «Приюта пьяного бессмертного», обнимая барышню Юань Мэн, самую популярную куртизанку столицы, он всё продолжал холодно размышлять, почему отец сегодня так внезапно изменился. Глубокой ночью в своём поместье Цзинван пил вино и бранился:

— Проклятый простофиля, в те годы больше всего любил ходить по публичным домам и надо же, породил такого красавца. Надо и мне отпускать сына погулять, в будущем у меня на руках будет хорошенький внук.

**

Оставим на время домашние заботы Цзинвана, заставляющего сына посещать проституток. К окончанию поэтической встречи Фань Сянь уже сидел в паланкине, и его сопровождали Тэн Цзыцзин и несколько охранников. После собрания участники много обсуждали стихотворение сына семьи Фань, и, увидев паланкин из поместья Фань, некоторые учёные подошли попрощаться. Фань Сянь немедленно вылез из паланкина и, улыбнувшись, отправил его домой, приказав охранникам сопроводить Жожо обратно в поместье.

Фань Жожо, сев в паланкин, кивнула ему. Фань Сянь понял, что про условленное дело уже договорились, оживился и начал планировать дела на вечер.

— Го Баокунь точно живёт в поместье министра, примерно каждые три дня он должен посещать дворец, официально — для работы с документами, на деле же — быть товарищем по

учёбе для наследного принца.

Фань Сянь нахмурился:

— Сколько лет наследному принцу, что ему до сих пор нужен товарищ по учёбе?

— Наследный принц — родной сын императрицы, по старшинству среди принцев он третий, и ему уже восемнадцать.

Фань Сянь рассмеялся:

— Восемнадцать лет — это уже взрослый, зачем ему товарищ по учёбе?

Тэн Цзыцзин усмехнулся:

— Просто он любитель поразвлечься, вот и нашёл тех, с кем можно под этим предлогом в открытую развлекаться.

— Неужели его величеству всё равно?

— Этого... слуге не известно.

После происшествия в винном доме несколько дней назад Фань Сянь беспокоился, что Го Баокунь не сможет смириться с нанесённой обидой и прибегнет к подлым приёмам, поэтому приказал Тэн Цзыцзину разведать, и теперь знал несколько мест, куда Го Баокунь часто заходит, и дорогу, по которой он ходит домой. На сегодняшней встрече этот грубиян по фамилии Го сказал немало колких слов, и, какой бы хороший характер ни был у Фань Сяня, но и он мог лишь сохранять на лице лёгкую улыбку, в то время как всю негодовал в душе. Лишь позже он понял, что когда велел Тэн Цзыцзину разузнать об этом деле, то уже подсознательно готовился проучить грубияна Го, вовсе не беспокоясь, что тот может проучить его самого.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/1452435>